

Светлана Вишнякова

АКВАРЕЛЬНЫЕ КОНИ

Стихи, проза...
И всякая всячина

Светлана Вишнякова

**Акварельные кони.
Стихи, проза... И всякая всячина**

«Издательские решения»

Вишнякова С. В.

Акварельные кони. Стихи, проза... И всякая всячина /
С. В. Вишнякова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857173-2

С возрастом время бежит все быстрее. Ты много умеешь, много знаешь, вместо наития приходит опыт, доведенный до автоматизма. Вместе с ним теряется ощущение новизны жизни. Вернуть цвет, вкус, запах и ощущение фактуры жизни мне помогает книга для того, чтобы она смогла вырвать меня из круговерти повседневности, заставила плакать и смеяться, сочувствовать героям, больше, чем самой себе. Поэтому своих «Акварельных коней» я посвящаю всем хорошим людям, которых встретила на своем пути.

ISBN 978-5-44-857173-2

© Вишнякова С. В.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	7
Акварельные кони	8
Риторические вопросы	9
Из моего окна	11
Заклинание	12
Есть женщины	13
Моей дочери	14
Ожидание	15
Полуночное	16
Журавлик	17
Игра в ассоциации	18
Волхов	19
Луна глядится	20
Осень	21
Мой вернисаж	22
Рафаэль	23
Андрей Рублев	24
Морис Утрилло	25
Марк Шагал	26
Нико Пиросмани	27
Питер Брейгель	28
Несколько слов о связях. мобильных и не только...	29
Про любовь	30
Недоуменное	31
Про страсти	32
Время	33
Тривиальное	34
Весна	35
Капля	36
Море волнуется...	37
Философия травы	38
Чужая молодость...	39
Ливень	40
Осень – кокетка	41
Еве	42
Снег	43
Три ветки	44
Анне. Колыбельная осенней ночью	45
Осеннее депрессивное	46
Слова	47
Про Стихиру	48
Предвосхищение	49
Малодушное	50
Праздник	51
Проза	52
Очень страшная Рождественская сказка-быль	52

Конец ознакомительного фрагмента.

54

Акварельные кони Стихи, проза... И всякая всячина

Светлана Викторовна Вишнякова

Иллюстратор Петр Николаевич Зеленов

© Светлана Викторовна Вишнякова, 2017

© Петр Николаевич Зеленов, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-7173-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Был со мной такой случай. Подхожу библиотеке, а на крылечке стоит пожилая женщина: «Здравствуйте. Я очень люблю ваши стихи. Но сейчас почти ослепла. Не могли бы вы почитать, что-нибудь новенькое?» Я пригласила её. Мы долго общались, в конце встречи она сказала: «Мне нравится, как вы убедительны в своих стихах. Напишите в газете, что поэзию нужно любить. Вас послушают.» Её просьбу я выполнила и написала «Ненаучный трактат в защиту любви и поэзии». Единственное, о чем я жалею, что не расспросила о ней, не записала её рассказов. Простите, меня Валентина Ивановна. Наверняка, Вы были очень интересным человеком с необычной судьбой. Всему виной, мой щенячий эгоизм и ощущение, что жизнь вечна.

С возрастом время бежит все быстрее. Долго думала, почему это происходит и пришла к выводу: ты много умеешь, много знаешь, вместо наития приходит опыт, доведенный до автоматизма. Вместе с ним теряется ощущение новизны жизни. Там где раньше была работа ума и души, остается только «подкорка». Вернуть цвет, вкус, запах и ощущение фактуры жизни мне помогает книга для того, чтобы она смогла вырвать меня из круговерти повседневности, заставила плакать и смеяться, сочувствовать героям, больше, чем самой себе.

Поэтому своих «Акварельных коней» я посвящаю всем хорошим людям, которых встретила на своем пути, с которыми живу и работаю. Прошу принять её, как знак моей любви и благодарности.

Акварельные кони

Мне приснился странный сон. Акварельные рыжие лошади, уронив свои головы и вытянув шеи, пили с листа акварельную реку. Я проснулась со странным чувством тихой грусти. Терпкой, как вкус айвы. В синем сумраке обычного утра во мне переливаются тонкие рыжие шеи, вытянутые от напряжения. В этом напряжении чувствую тревогу. Наконец, решаюсь разорвать это утреннее колдовство. Включаю свет. Лампочка мохнато повисает над головой. И в этом рыжем клубке читаю свою тревогу. Рыжие лошади были нарисованными.

Мой день пришел и ушел, не оставив следа в душе. Я закрываю за ним дверь без благодарности.

За порогом колдует вечерний город. Синь вечерняя, разведенная призрачным светом фонарей.

Дождь косой. Окосел от холода. Ветру хорошо. Забавляется. Проведет мохнатой лапой по струнам дождя-звенит жалобно. То раздует его, как парус. Но город – слишком большая лодка, чтобы ветер мог его сдвинуть. Паруса дождя безвольно повисают. На мокром лице асфальта – грусть. Вместе с дождем он точит слезы. Они собираются в неровности и углубления, образуя моря грусти.

Веткам холодно. Они голые. Стыдятся своей наготы. Зябко жмутся друг к другу. Кажется нет безотрадной зрелища.

Хилым жителям города достались от природы только этот дождь, ветер, ветки. Хочется плотками пить эту грусть. В ней все то, чего нам так не хватает-тишина и спокойная мудрость: грусть для того, чтобы радость стала желанней во стократ.

Теперь я наверняка знаю причину тревоги. Кони, хотя бы во сне, должны быть живыми

Риторические вопросы

Красивая женщина улыбнулась,
мне нет до неё дела.
От чего пыль на дороге
заклубилась золотистым облачком?

Я гляжу в потолок —
одна большая мысль
во всю голову:
мне — пятьдесят,
а я круглая дура.
Сократ в юбке?!

Когда я обрету вечный покой,
Солнце будет упрямо
всходить и заходить...
Интересно, кому повезло больше?

Жизнь состоит из пустяков,
мелочей и подробностей...
Блажен кто радоваться им умеет?

Прошёл апрель...
а синие вечера так и не наступили.
Может они были,
но не для меня?

Газон скосили некрасиво,
трава мертва...
Кому-то утрата?

Сирень цветет, как двадцать лет назад
В старинном парке на берегу седой реки...
Так от чего же сердце щемит и щемит

Как странно!
грязный мартовский снег
без труда прорастет из земли

невинным зеленым ёжиком.
Нам возвращение свое
нужно пред кем заслужить?

Из моего окна

В мареве апрельского дождя
вытянутые
серебристые тела
фонарных ламп
плывут над улицей
как журавлиный клин.
А журавли
пережидают дождь?

Заклинание

Давай, обида, с тобой побеседуем.
Напрасно ты раздуваешь щеки.
Посмотри на себя – я красивее,
Ведь я не кривлю рта.
Еще я тебя мудрее:
Я точно знаю, я «всегдашняя»,
А ты-только «теперешняя».
Куда же ты, обида, торопишься?
Я не все про тебя рассказала.
Никакая ты не великая,
Можно сказать-небольшая,
А может быть, даже маленькая,
Может, тебя вовсе нет?

Есть женщины

Н. Давыдкиной

Я свои и чужие печали
Нанижу на суровую
 нитку судьбы.
Будет совсем не больно
 и очень красиво
Как цветное монисто.
Дай мне, Бог,
 только нитку покрепче,
Твердую руку
 на хитрый узел,
Чтобы они не смогли
 раскатиться.

Моей дочери

Звёзды твоих желаний
Пригоршнями падают
В мой август.
Звезды моих желаний
Медленно плаваются
В твой рассвет.

Ожидание

В три сорок
стрелки, как черные птицы,
с надеждой хлопали крыльями.
В половине шестого
беспомощно повисли.
Колченогое время
так-так-так
жалко заковыляло,
не попадая в такт
чуть живому загнанному сердцу...
Душа стекленеет от страха-
вдруг не дождусь?

Полуночное

Мне приснились стихи
Они были бессловесные
Сердце так и таяло в груди...
Они были не мои.

Мне приснилась любовь
Она была бестелесная,
Но сердце так и рвалось из груди.
Она была не моя.

Мне приснилась моя жизнь
Она была безталанная
А сердце стучит:
Может она не твоя?

Журавлик

Птица моего вдохновения
Смотрит на меня круглым
Глазом, склонив голову набок.
Не печалься,
Я тебя не держу.
Ты ведь не какая-нибудь
«Синица в руках».
Улетай.
Я не смею тебя ни о чем просить.

Игра в ассоциации

Посвящается В. Антипину

Последняя электричка,
нервно передернувшись на стыке,
скрылась из виду.
Я закрываю глаза
и вижу зеленую гусеницу.

Волхов

От Ильменя до Ладоги
Огромной серебристой рыбой,
Как послание древней ведуньи,
Поспешает не торопясь
Волхов седой.
От Ильменя до Ладоги-
Лишь древние камни ему родня.
Невозмутим, как мудрый человек,
Чист, как слеза времени.
Подумаешь, тысяча-другая лет.
Это ведь у людей короткий век.
От Ильменя до Ладоги...

Луна глядится

Луна глядится в зеркало
 асфальта
Чернильным бархатом
 обтянут небосвод
Дождь, второпях
Стежком «вперед иголку»
Печальную картину
 мира шьет.

Осень

Ледяного молока туман
вдоль реки
кровь осин бинтовать
безуспешно пытается.
Облетит на землю листва
и на ней – с Покрова туман
бесконечную зиму
снегом промается

Мой вернисаж

Рафаэль

У юной мадонны
Нежная улыбка и грустные глаза.
Она шагает по облакам,
прижимая к сердцу
 голопузого младенца-
 Бога-сына.
Я смотрю на нее
 и думаю:
Что же было вначале?

Андрей Рублев

Мир полон красок,
Все зеленое, желтое, синее,
Как у сумасшедшего
Ван Гога.
Лишь иногда,
тоской по божественному
Полоснет по сердцу
ультрамарин
Среди грозových туч.
Не оттого ли,
Три ангела
в ультрамариновых одеждах,
над чашею золотою
наклонясь
Живут средь нас века?
Не оттого.
Канон всему причиной.
Кто выдумал
Канон?

Морис Утрилло

На кривых улочках Парижа
у Мориса Утрилло
ветер рвет со стен обрывки газет
и мое сердце.

Они трепещут на ветру,
не давая забыть, что все проходит,
как стерлась от дождя и времени
улыбка розовощекого циркача
на старой афише.

Марк Шагал

Вдыхая и посмеиваясь,
с кистью наперевес
Марк Шагал летит над землей.
Бог вложил в мою руку перо,
а в неможное тело-
бессмертную душу,
чтоб-в который раз-
я могла удивиться,
как мир велик и прекрасен.
Воспарив над квадратом стола,
я летаю туда-
куда Марк Шагал не летал.

Нико Пиросмани

Простаку Пиросмани
все нипочем.
Нет ли денег,
холста
или счастья.
На клеёнке
он нарисует
красивых наивных зверей
и счастливых
влюбленных людей,
готовых друг с другом
брататься.

Питер Брейгель

Мы бедные слепцы.
Не знаем, откуда пришли.
Не знаем, куда придем.
Улыбка блуждает по нашим лицам.
Наш проводник – надежда.

Несколько слов о связях. мобильных и не только...

П. Зеленову

«Моя любовь со мной»
– поёт молодая африканка.
Черное блестящее тело
извивается в такт музыке.
Прихожу в себя.
Молодая африканка исчезает.
Она – рингтон.
Панически шарю в темной утробе сумки.
Наконец вылавливаю
скользкое тщедушное тельце телефона.
Негритянка замолкает.
Человек на другом конце мобильной связи
потерял терпение.
Ищу пропущенный звонок.
Зеленая кнопка дает добро.
Акающий голос московского интеллигента.
Тягучий, как свежий мед:
сколько не поднимай ложку вверх,
желтые капли падают на подбородок
и в вырез платья,
заставляя вздрагивать.
От волнения плохо разбираю слова.
Понимаю только одно.
На другом конце провода
меня не только слушают, но и слышат.
Бог, целуя нас в макушку,
вменил нам в обязанность
в обшарпанной обыденности
серой мути повседневности
разбирать,
порой едва различимые,
знаки поэзии.

Про любовь

В. Левину

Кто сказал,
 что тоска зеленая?
Она цвета венозной крови:
 Густая и темно-красная.
Ты ушел навсегда.
 Не понять. Не оплакать.
Запер белую птицу
 моей глупой души
В черную клетку
 жизненных обстоятельств.
Ключ от неё
 я тебе насовсем отдала.

Недоуменное

Друг мой!
Я боюсь заблудиться,
когда простив тебя,
в который раз
я отправляюсь в дальнюю дорогу:
иду на компромисс с самим с собой.
Не посылай меня так далеко.
Я могу не вернуться.

Про страсти

Пока мы громко кричали,
картинно ломая руки,
безмолвно глаза закрыла,
отпустив наши души на покаяние,
любовь покинула нас.

Ты плохой игрок,
коль не понял, что не шваль я,
а дама козырная.
Жаль. Теперь-
не в твоей колоде.

Время

Ночь-
бессонница
нелепица.
День не клеится,
не лепится.
Утекает сквозь
белые пальцы тоски,
сочится по капле-
Время.
Кончается день.
Кончается год.
Кончается век.

Тривиальное

Все чаще впадаю
в грех уныния

И без того короткий день
размениваю мелкою монетой

случайных встреч
незначащих улыбок

досужих разговоров.

Себе оставляю ночь
с ледяными от тоски по несбывшемуся
пальцами у раскаленного виска.

Весна

Ветер, как молодое вино,
бродит в трех тополях
под моим окном.

Я стою на кухне в халате
острым ножом взрезая
нежно-лиловый шелк кальмара

Мне нет никакого дела,
что за окном отцветает май

Капля

Капля, чуть помедлив,
устремилась вниз,
чтобы, последний раз,
блеснув на солнце,
пропасть в талом снегу.
Хоть и короткая – едва ли
самая бездарная судьба.

Море волнуется...

Ветер – забияка шаловливо
Треплет волны Финского залива.
Волны возбуждено и спесиво
Лижут берег Финского залива.

Философия травы

Я – трава
очень зелёная.
Я имею место быть
между синим небом
и жирной землёй.
Мне нет никакого дела,
до философии,
политики,
религии.
Я имею место быть.

Чужая молодость...

Чужая молодость
на звонких каблучках
промчалась мимо,
скрывшись в сумрак ночи.
Взгрустнулось...
В поле горький, колючий осот
пахнет мёдом к исходу
цветущего лета.

Ливень

Чахлое дитя города
я пыталась сбежать
от летнего ливня.
Но у него слишком длинные ноги
и упругие обжигающие ладони,
сбивающие с ритма.
Дождь меня обогнал.
Даль чиста.
Я, как детстве,
среди лужи босая.
А сомненья мои и печали
темно-синие лужи
качали.

Осень – кокетка

Е. Михайленко

За окном красивая осень
разлеглась
кленовыми листьями
в лужах
всегда модного цвета —
мокрого асфальта.
Ах, осень – кокетка!

Еве

Снежинки обреченно,
как мотыльки на свет,
летят к земле.
Глупо горевать.
Наступление зимы
неизбежно.

Снег

Очень хотелось
первого снега,
яркого, белого
до ломоты на зубах.
И, когда он пошёл,
так некстати,
крупными хлопьями
на ещё зеленую листву,
таял в воздухе,
не долетев
до лоснящегося асфальта,
стало чего-то жаль.
Снег первый,
снег последний?

Три ветки

В вазу из глины
поставлю
три нежных ветки
едва опушённой
зелёной
лиственницы.
Пусть греют душу.
Ветка – Земле,
ветка – мне,
ветка – небу.

Анне. Колыбельная осенней ночью

Одинокой
промозглою ночью,
когда
беззвёздное небо
цвета линялого ситца,
одинокая злая луна —
окровавленный
рыбий пузырь,
поплотнее закрою окно
тяжёлою бархатной шторой,
лёгкою синей косынкой
лампу завешу,
чтобы Солнце моё
невзначай
не проснулось.

Осеннее депрессивное

Я чернильница – непроливайка,
Ванька – встанька
С нарисованной улыбкой.
Рутинка и невезение
неизбежны в моей жизни,
как зима
или понедельник.
Полежу на диване,
отвернувшись к стене,
ковёр
порассматриваю.
Как советовал
личный психиатр.

Слова

Слова, как слепые котята
Тычутся мне в ладони,
Царапают моё сердце,
Умоляя о красоте и гармонии,
прося защиты от беспорядка.

Я беспомощно опускаю руки,
Пристыженно опускаю глаза:
В моей душе нет порядка,
Только боль и разочарование.

Про Стихиру

Стихира —
читай поэзия,
конечно, смешная игра,
но даже самый
бездарный из нас
ставит на кон в ней
ни больше ни меньше —
бессмертную душу.

Предвосхищение

Тесно стало душе
в бренном теле.
Чувствую —
белые крылья режутся
меж двух тонких лопаток.
Больно. Сладко.
Это просто...
оркестр настраивается.

Малодушное

Что греха таить,
в нашем маленьком городе,
где все разговоры только о деньгах,
где жизнь глупее театра абсурда,
скучнее романов Анатоля Франса,
странно писать стихи,
еще безысходнее их не писать...

Праздник

Т. Грищенко

Серые будни
словно пригоршня
выжатых тюбиков
масляной краски.
Засучу рукава,
кистью волшебной
палитры коснусь.
На холсте повседневности
нарисую
в полумраке еловый запах,
красный бархат
томного танго,
золотую кожуру мандарина,
едва намечу
пузырьки
в хрустальном бокале.
Голова пойдет кругом
от счастья.
Видишь, праздник
своими руками —
это возможно!

Проза

Очень страшная Рождественская сказка-быль

Было это в приснопамятные 90-е годы. В одной деревне Ленинградской области жила женщина. Ладная, складная, все у неё получалось на раз. Звали её Ксенья. Ксюша – юбочка из плюша, как пели в сельском клубе на дискотеке. Работала она бухгалтером в совхозе. Была замужем за разбитным красавцем, любимцем деревенских девок. Даже детей она родила, как полагается: сначала нянька, потом лялька. Леночка и Алёша. Славные ребяташки. Спокойные, смышленные. Белоголовые, голубоглазые – и в мать, и в отца. Многие ей завидовали. Жизнь есть жизнь. Не всегда все гладко складывается.

Не успели сельчане опомниться, как совхоз развалился. Негде стало работать. Одна надежда на огорода. Мужики в город подались работу искать. А бабы с детьми – в деревне горе мыкать. Сначала у Ксюши все хорошо было. Муж ее приезжал из города с деньгами и с подарками. Дети вечером в пятницу встанут у окошка и ждут, когда на дороге папанька появится. И выбегают его встречать. Тяжело Ксюше без мужа, но притерпелась. Однажды студеным декабрьским вечером не дождались они своего отца. В понедельник собралась Ксюша в город. Сердце беду почуяло.

Пришла в общежитие завода, на котором муж работал, а там говорят – зарезали вашего мужа в пьяной драке. Денег, которые у неё остались, только и хватило, чтоб мужа домой привезти, похоронить и поминки справить. А еще надо детей кормить. Так ей черно на душе, хоть в петлю лезь! Чтоб хоть как – то боль в груди унять, хлебнула Ксюша из бутылочки, что с поминок осталась. Вроде чуть потеплело в груди, расплакалась она, детей крепко обнимает и приговаривает: «Как же мы теперь жить-то будем!». А дети, как два воробушка, прижимаются к ней и тоже плачут. Так они и уснули на диване, обнявшись.

Зима выдалась суровая, снежная. Избы в деревне чуть не под крышу заметало. Пока Ксюша по дому крутится, то вода, то дрова, то помои, то снег чистит – ничего. Душа, как замороженная, молчит. А как наступит вечер, хоть волком вой. Ксюша к бутылочке и приложится. И вроде, как отпустит. И так каждый вечер. С каждым разом всё больше и больше надо хлебнуть. Давно уже самогон, наваренный на поминки, кончился. Стала Ксюша по соседкам бегать самогон покупать. А соседки не гнушаются вдовьего рубля. Никто не сказал: «Хватит, Ксенья. У тебя дети. Могут ведь сиротами остаться».

Все трудней ей стало вставать по утрам, пока из бутылочки не хлебнет. И в делах не такая ухватистая стала. Зарос огород, дети не кормленные днями, а на бутылку ей надо, вынь и положь! Выпьет, повеселеет, оглянется вокруг – в доме грязь, немыто, не топлено. Хорошо, дети в интернате при школе живут. На рождественские каникулы приехали. Обнимают её, мамочка, родименькая не позорь нас, не пей больше. А Ксенья уже с собой не справляется. Понимает, что жить так нельзя, а по другому – не может.

Дело к Рождеству, в доме ни подарков, ни ёлки. Выбежала в сени, схватила веревку и давай к матице прилаживать. Повешусь, чтоб детей больше не позорить, думает. А сзади – Алёша: «Мамочка, ты что тут делаешь?» А Ксенья ему: «Качели лажу!» А Алёша ей отвечает «Какие качели мамочка, холодина в сенях». Стыдно стало Ксенье. Представила себя с вываленным синим языком. Вернулась в дом. Успокоилась она немного, хлебнула из заветной бутылочки и говорит: «Пойду я в лес дров привезу, в доме не полешка».

Заплакали Леночка с Алешкой: «Куда ты, на ночь глядя, смотри какой мороз заворачивает?» Но с подвыпившей бабой разве сладишь? Оделась Ксенья, взяла санки и топор

и пошла к лесу. Остались дети в непроглядную тьму смотреть. Ветер в трубе вое, поднялась метель. Мороз крепчает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.